

АҔСНЫ АҔЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҔСУАҔЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АҔСУАҔЦААРА АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археология
АҔоурых
Аетнология

Археология
История
Этнология

АҔыжьра
XII
Выпуск

Ақәа – Сухум
АБИГИ
2022

УДК 001
ББК 72.471(5Абх)я5
А 17

«Абхазоведение» (историческая серия) – сборник научных статей, в основном сотрудников АБИГИ, а также российских учёных по археологии, истории, этнологии Абхазии.

Сборник рассчитан на специалистов и тех, кто интересуется историей Абхазии с древности по новейшее время.

Редакционная коллегия: Бгажба О.Х. (главный редактор), Ашуба А.Э., Авидзба А.Ф., Джопуа А.И., Салакая С.Ш., Ньюшков В.А. (ответственный секретарь), Цвинария И.И., Отырба А.А.

Абхазоведение: Археология. История. Этнология.
Сухум: РУП «Дом печати», 2022. – 332 с.

Г/р 978-5-111-52-10022

Д. Инджгия

**АБХАЗИЯ НА РУБЕЖЕ КОНЦА XIX И В ПЕРВЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.
О ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
АБХАЗСКОГО УКЛАДА ЖИЗНИ**

«Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяположения»

Жан-Поль Шарль Эмáр Сартр

Историческое время – категория, применяемая историками, для создания последовательного, единого, непротиворечивого и убедительного процесса развития человечества, где каждому событию определено его уникальное место. Время является важнейшей категорией истории, его несущей конструкцией, и как считают некоторые историки, оно является в каком-то смысле той исторической субстанцией, в которой существуют события прошлого. В соответствии с современными взглядами принято считать, что история развивается во времени и является специфической частью прошлого. Историческое время – одно из разновидностей времени, используемое историками для создания образа прошлого. Его особенности определяются объектом истории – прошлым, а также теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную эпоху¹.

До XIX века историки пользовались общепринятыми представлениями о времени и только с середины 1930-х гг. стали различать календарное и историческое время. Календарное время – это время астрономическое, однородное, формальное, непрерывное, количественное, время календарей и часов. Историческое время – это темпоральное воплощение социального. У каждого исторического феномена свой ритм, свой тип частоты, своя периодичность². То же самое можно сказать и об абхазском укладе жизни. Простой крестьянин не делил, как это делают сегодня историки, историю человечества на эпохи – палеолит, мезолит, неолит и т.д. У абхазского крестьянина, лишённого академического образования, было свое

¹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Историческое время](https://ru.wikipedia.org/wiki/Историческое_время)

² Там же.

пространство, и время он понимал и определял по-своему, в основном полагаясь на опыт старшего поколения.

У него был свой ритм жизни. Повторяя опыт старшего поколения – аихабы (дословно переводится как «видевший больше», т.е. «еиханы изба-хьоу», иначе «умудренный жизненным опытом») – абхазский крестьянин мало что менял в своей жизнедеятельности, хотя его быт не был лишен незначительных трансформационных процессов. Как говорил в свое время Демокрит: – «Все течет, все изменяется». И абхазский уклад жизни с XIX в. стал претерпевать серьезные изменения. Они не носили эволюционный характер. Ключевую роль в их трансформации, в основном, сыграли внешние факторы, нежели внутренние.

На наш взгляд, трансформацию абхазского уклада жизни на рубеже второй половины XIX в. и до 1931 г. условно можно разделить на 3 основных периода:

1. **1864 – 1917 гг.**
2. **1917 – 1921гг.**
3. **1921 – 1931 гг.**

На первом этапе – 1864–1917 гг. – происходит последовательная инкорпорация Абхазии в социально-экономическую и политическую систему Российской империи.

Как представляется, модернизация в рассматриваемом регионе имела неорганический характер, что определялось реальной политикой российской администрации, предполагавшей качественную трансформацию традиционных социально-экономических и политических институтов и постепенную унификацию общего направления развития имперского центра и присоединенных территорий. Вследствие указанного обстоятельства региональный модернизационный вектор был направлен не на последовательное формирование классического индустриального общества европейского типа, а на выборочную реконструкцию местных социумов, объективное содержание которой детерминировалось стратегическими интересами России¹.

Ненадежные позиции России в автономной Абхазии (по сравнению с другими княжествами Центрального и Восточного Закавказья, которые уже давно были лишены царским правительством суверенитета и входили в состав России на правах военных отделов), а также ее особый интерес к стратегически важному участку побережья, требовал принятия кардинальных мер по изменению статуса региона. Об этом непрестанно напо-

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 217.

минали военачальники и наместник, что мы видим из рапорта начальника войск в Абхазии генерала М. Т. Лорис-Меликова кутаисскому генерал-губернатору Г. Р. Эривому от 12 августа 1858 года: «Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря, – страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием к распространению нашего владычества по всему восточному берегу, – конечно, не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился генерал Филипсон, мы не владеем, а только занимаем ее. Даже, кажется, вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде, ибо тайные происки иностранных держав с целью возбудить против нас племена, населяющие побережья восточного берега Черного моря, в последнее время много увеличились»¹.

Особый интерес представляет документ от 26 июня 1864 г. под названием «Рескрипт наместника на Кавказе Великого князя Михаила графу В. Адлербергу о введении в Абхазии русского управления». В нем говорилось: «Высочайшее повеление об устранении кн. Шарвашидзе от обязанностей владетеля, навсегда с потомством, и о введении в Абхазии Русского управления получено было мною во время последней экспедиции в долине р. Мзимты. Желая лично объявить кн. Шарвашидзе Высочайшую волю и в то же время вызвать его из Абхазии, чтобы при предстоящем преобразовании управления этим краем избежать могущих произойти беспорядков и даже вооруженного сопротивления, я поручил начальнику штаба пригласить кн. Михаила в Кутаис ко времени прибытия моего туда... усматривая из всего, что дальнейшие меры снисхождения в отношении к кн. Михаилу не поведут к желаемой цели, я отправил к нему рескрипт свой, в котором положительно объявляю ему Высочайшую волю и предписал Кутаисскому Генерал-губернатору теперь же ввести в Абхазии Русское управление, настояв на непременном выезде оттуда бывшего владетеля»². 27 марта 1864 года наместник Кавказа великий князь Михаил о необходимости упразднения Абхазского княжества и заселения его казаками писал следующее: «Ввиду близкого осуществления высочайше одобренных Предположений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходи-

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 67.

² Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 67.

мым решить вопросы о будущем положении владения абхазского: должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее сложении, т. е. под безотчетным управлением кн. Михаила Шарвашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах.

Шестьдесят лет прошло с тех пор, как Абхазия признала верховную власть Российского государя и отец кн. Михаила Шарвашидзе признан был наследственным его владельцем. Страна эта, тогда еще полудикая, раздираемая междоусобьями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилию турок и хищничествам горцев, со времени присоединения к России получила от Русского правительства внешнюю защиту.

Народ абхазский, занимающий самую лучшую часть кавказского края, упал до последней степени нищеты и дикости, половина его приняла исламизм, другая – потеряла почти всякое понятие о религии. Россия вместо благодарной союзницы приобрела в Абхазии непокорную и коварную рабу, готовую с распростертыми объятиями принять каждого врага нашего, который явится у ее берегов. Власти наши не касаются внутреннего управления этим народом: ни податей, ни повинностей абхазцы не несут, войска не стоят у них на квартирах, не берут с них подвод, не пользуются ничем и постоянно защищают их; за все это абхазцы платят нам убийствами из-за куста.

Где же искать причины всего этого, как не в системе управления нынешнего владельца. Юридически нельзя обвинить князя Михаила Шарвашидзе ни в одном из тех тяжких преступлений, в которых обвиняет его общее мнение и все, близко видевшие его действия, потому что поступки его, как владельца, никогда не подвергались и не могли подвергаться законному расследованию. Во всяком случае, нельзя не обратить внимания на многие очевидные факты его продолжительной правительственной деятельности... Облагая простолудинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны, он оставляет всегда безнаказанными сильных хищников и убийц и даже покровительствует им; от этого-то хищничества грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. При таком положении края выгодно ли для России и согласно ли с чувством справедливости и человеколюбия оставлять его под властью владельца, теперь им управляющего. В отношении политическом это было бы положительно вредно. Уничтожение такой власти, которая умышленно или неумышленно сделала столько зла и так долго делала это зло, составляет обязанность нашего правительства.

Следует:

1. Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения.
2. Назначить владельцу и наследникам его содержание, их обеспечивающее.

3. Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальника отделов в областях с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору.

4. Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела.

5. Границею между Кубанским и Абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий теперь Абхазию от земли джигетов»¹.

Так, в 1864 г. произошло упразднение царизмом Абхазского княжества, переименование его в Сухумский военный отдел и установления прямого управления страной. Это было подтверждено соответствующим документом.

Каковы же были последствия? Как это отразилось на быте абхазов? Какие изменения произошли в их социально-политической жизни? На наш взгляд, эти вопросы требуют комплексного изучения. Это поможет дать ответы и на текущие проблемы нашего народа и государства, ибо у каждого явления своя предыстория.

Комплексное рассмотрение процессов модернизации и инкорпорации целесообразно начать с обобщающей характеристики институциональной структуры Абхазского княжества, сложившейся к началу XIX столетия. В рассматриваемый период в Абхазии существовала своеобразная модификация традиционного общества, интегрировавшая характерные черты родового строя и так называемого «горского феодализма»².

Основным элементом местной экономической системы являлось сельское хозяйство, носившее преимущественно натуральный характер. Скотоводство и ремесло имели подсобное значение, а торговля, вообще, рассматривалась большинством населения как недостойное занятие³.

Для большинства населения наиболее престижными видами деятельности являлись охотничий промысел и военное дело, что в большей степени соответствует так называемой «военной демократии», а не классической модели феодальной формации.

---

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М. 2004. С. 68-70.

² Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 217.

³ См., например, Дзидзария Г.А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. XXIX. – Сухуми, 1958; его же Развитие торговли в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. XXVIII. – Сухуми, 1957.

Социальная структура абхазского общества также отличалась значительным своеобразием по сравнению с сословным строем эпохи феодализма, основанным на отчетливой дифференциации отдельных корпоративных групп. Как пишет профессор С.З. Лакоба, «к моменту присоединения к России Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и феодальной системой Грузии»¹.

Абхазское общество возглавлял владетельный князь – Ах, промежуточное положение между князем и феодалами занимали ашнакума, затем шли тауад и аамста, анхаю цкиа и другие².

Определяющую роль в социально-экономическом и политическом развитии абхазского общества играли свободные крестьяне-общинники («анхаю»), которые составляли большую часть местного населения. В условиях фактического отсутствия феодальной собственности на землю и крепостного права они обладали значительной свободой хозяйственной деятельности, которая определяла достаточно высокий уровень материального благосостояния и общественной значимости указанной корпорации. Как представляется, традиционное равноправие различных по социальному статусу землевладельцев являлось важным фактором, способствовавшим естественной консолидации абхазского общества и длительного сохранения его специфической институциональной структуры³.

Однако вековые традиции хозяйственного взаимодействия не были единственным фактором, определявшим монолитность и устойчивость рассматриваемого социума. Длительное сохранение больше семейной общины привело к естественному появлению территориальных кланов, социальная стратификация в которых нивелировалась посредством разветвленных родственных отношений и целенаправленного развития института «аталычества». Повседневные взаимоотношения между отдельными клановыми сообществами осуществлялись в соответствии со сложившимися нормами обычного права, а владетельные князья приобретали значительные властные полномочия только в случае серьезной военной опасности⁴.

---

¹ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990. С. 11.

² См.: История Абхазии. – Гудаута, 1993.

³ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 219.

⁴ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 218.

Немецкий путешественник Ф. Боденштедт, дважды посетивший Абхазию в середине XIX столетия, охарактеризовал внутреннее развитие местных социумов следующим образом: «... влияние князей ... всегда было весьма ограниченным. Лишь немногие кланы подчинялись им. Большая часть народа продолжала жить в своеволии, не признавая никакого другого права, кроме кровной мести, до тех пор, пока стране не стали угрожать сильные враги. На время войны князь признавался главным предводителем, и все добровольно объединялись под его знаменем»¹.

По сути, в Абхазии социальная стратификация имела формальный характер. На это указывали многие авторы. Например, грузинский историк и общественный деятель К.Д. Мачавариани писал: «в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии»².

Таким образом, к началу инкорпорационных процессов в Абхазии существовала специфическая модель традиционного общества, существенно отличавшаяся от феодальных социумов Западной Европы и России, ставших объектами модернизации в различные периоды Нового времени. И определило последовательное формирование особых модернизационных механизмов, адаптированных к региональным особенностям и функционировавшим в зависимости от внешних факторов³.

Инкорпорационные процессы встретили ожесточенное сопротивление горских сообществ, которое выразилось как в длительной вооруженной борьбе с российской администрацией и ее местными сторонниками, так и в специфическом явлении махаджирства⁴.

Следует отметить, что публичная власть в горских сообществах основывалась не столько на имущественной дифференциации, сколько на устойчивом функционировании традиционных социально-политических институтов, появление которых было вызвано, прежде всего, реальным наличием постоянной внешней угрозы, а не объективными экономическими процессами.

Появление российской военной и гражданской администрации разрушало сложившиеся представления о властных структурах, как принципиальном инструменте повседневной реализации нормативного содержания обычного права, а следовательно, препятствовало естественному развитию общественных отношений. Применительно к Абхазии имеющиеся источники свидетельствуют о том, что трансформация традиционной социально-политической системы стала важнейшим фактором, опреде-

¹ Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – М., 2002. С.116.

² Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум, 1913. С. 95.

³ Трапш Н.А. Указ. соч. С. 218.

⁴ См., например, Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.

лившим ожесточенное сопротивление инкорпорационным процессам и последующее махаджирство¹.

Необходимо также отметить, что естественная связь модернизационных явлений и массового махаджирства имела двойственный характер. Состоявшееся переселение значительной части абхазских горских сообществ способствовало дальнейшему развитию первичной модернизации, проявившейся в последовательном формировании новой модели региональной экономики и общественных отношений. Объективным результатом массового махаджирства стала «этническая революция», в ходе которой национальный облик местного населения претерпел существенные изменения. Целенаправленная переселенческая политика российской администрации привела к постепенному освоению пустующих территорий армянскими, греческим, немецкими и украинскими колонистами, большинство которых ориентировалось на последовательное развитие товарного сельского хозяйства, а также внутренней и внешней торговли².

Подобное коренное изменение экономического развития стало важным шагом в процессе первоначального формирования индустриального общества, поэтапное складывание которого является естественной целью модернизационных процессов. Изменившаяся национальная структура местного населения снижала реальное значение традиционных социальных институтов, которые продолжали функционировать только в рамках автохтонного этноса. Более того, она объективно способствовала качественному изменению сложившихся отношений внутри абхазских горских сообществ, которые были вынуждены адаптироваться к новым условиям повседневной жизнедеятельности³.

Целенаправленная деятельность российской гражданской администрации, стремившейся коренным образом преобразовать традиционный облик инкорпорированной территории, не ограничивалась созданием благоприятных условий для контролируемой миграции из других регионов. После подавления активного вооруженного сопротивления региональное хозяйство получило своеобразные государственные инвестиции, направленные на строительство современных дорог и портовых сооружений, а также комплексное развитие городской инфраструктуры. Российское правительство поощряло и самостоятельные проекты частных лиц, связанные с масштабными капиталовложениями в местную экономику⁴.

---

¹ См., например, Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум, 1982.

² См., например, Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.

³ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 221.

⁴ Там же.

Однако, как представляется, проведенные преобразования стали важным фактором, предопределившим в исторической перспективе последовательное разрушение традиционных общественных институтов. Законодательное закрепление особых прав дворянского сословия в области землевладения ускорило наметившееся развитие социальной стратификации в абхазском обществе, а также способствовало постепенной трансформации натурально-потребительского характера местного сельскохозяйственного производства. Внешний облик традиционной общины действительно претерпел незначительные изменения, но в ее внутренней жизни началось непрерывное действие модернизационных процессов.

Таким образом, модернизация сельского хозяйства в рассматриваемом регионе осуществлялась достаточно быстрыми темпами, причем характерной особенностью указанного процесса являлась преобладающая роль привлеченных колонистов в комплексном развитии соответствующих отраслей. Автохтонное население в значительной мере сохраняло традиционный уклад хозяйственной деятельности, но в его объективном содержании уже наметились четкие контуры перспективных изменений, реализовавшихся в рамках последующих исторических периодов¹.

Как представляется, модернизационные процессы в культурной сфере жизнедеятельности абхазского общества развивались по двум направлениям, сформировавшимся отчасти под воздействием внешних факторов. В рамках первого из них, связанного с целенаправленным формированием местной системы начального образования, необходимо выделить создание особых «горских» школ, предназначенных для непрерывной подготовки низших чиновников российской гражданской администрации. В период обучения представители местного населения находились во временной изоляции и утрачивали реальную связь с традиционными общественными институтами, что в перспективе приводило к качественному изменению их индивидуального мировоззрения. Они адаптировались к новой социальной среде и становились неосознанными проводниками модернизационных процессов, связанных с различными областями функционирования исследуемого социума².

Второе направление модернизации в рассматриваемой области связано с постепенным складыванием абхазской интеллигенции, объединявшей отдельных носителей культурных традиций предшествующей эпохи и представителей новой политической элиты, сформировавшейся под непосредственным контролем царской администрации.

---

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 223.

² Там же.

Однако появление подобной социальной группы, включавшей и представителей традиционной культуры, свидетельствует о глубоких внутренних изменениях, непосредственно связанных с комплексным развитием инкорпорационных и модернизационных процессов¹.

Примерно с начала XIX столетия под влиянием внешнего мира, прежде всего России, в абхазской культуре наметились такие структурные изменения, которые весьма существенно затрагивали основы социального устройства абхазского общества. Культура стала шифроваться не только в живой памяти, но и в специальных знаках, т.е. появляется письменность. В 1862 г. академик П.К.Услар² составил абхазский алфавит на основе русской графики и абхазскую грамматику, что в последующем сыграло важную роль в подготовке абхазской национальной интеллигенции. Вслед за этим начиналось распространение просвещения, что неизбежно вело к включению в абхазскую культуру новой информации. Обучение грамоте (писать и читать), целенаправленное овладение накопленными человечеством знаниями о внешнем мире становятся важными факторами формирования подрастающего поколения и развития абхазской культуры.

Второй этап – 1917 – 1921гг.

На наш взгляд, этот период стал определяющим в жизни Абхазии и абхазов того времени. Именно тогда, после Октябрьской революции встали такие вопросы как: куда идти? С кем идти? Как выбрать правильный исторический путь? Это был поистине судьбоносный период для абхазов. Видные его представители видели разные пути. Но цель была одна – сконструировать и выработать механизм выживания для дальнейшего развития, т.е. возродить свою абхазскую государственность. А ответ на вопрос с кем идти в будущее, был однозначным. В тот переломный период просыпается архетип абхазов и адыгов, память генов определила их дальнейший путь.

Абхазы решили войти в Союз объединенных горцев Кавказа³. И это было не случайно. После пережитого этнопсихологического стресса (махаджирство, последствия которого пока еще, к сожалению, не изучены) и вынужденного массового переселения большей части своих соплеменников на чужбину в XIX в., оставшиеся на исторической родине части обоего народа, на ментальном уровне стали тяготеть к единству. Исторически сплотиться они попытались в 1917 г.

После событий февраля и октября 1917 г., потрясших и разваливших Россию как единое государство, Абхазия вошла в Союз объединенных

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810–1917 гг.). Опубликовано: Логос, 2004. № 5. С. 223.

² Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887.

³ См., например, Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990.

горцев Кавказа (СОГК), в правительстве которого её интересы представлял министр С.Ашхацава. На съезде абхазского народа в Сухуме, 8 ноября 1917 г., был избран Парламент (кстати, создан раньше грузинского) – Абхазский народный совет (АНС) и приняты важнейшие документы: «Декларация съезда Абхазского народа¹» и «Конституция Абхазского народного совета²». Огромную роль в принятии этих документов о «самоопределении Абхазского народа» сыграли председатель съезда и первый председатель АНС С.Басария, основной докладчик А.Шерипов, князя А.Шервашидзе и Т.Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М.Цагурия, Д.Алания, Мих.Тарнава и др. В «Декларации» съезда предостаточно отмечалось, что «каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений» на его свободу, что «абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права». Интересно, что представитель Парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов выступал на открытии первого грузинского парламента – Национального совета Грузии (НСГ), который открылся в Тифлисе 19 ноября 1917 года. «Я счастлив, – говорил он, – что на мою долю выпала высокая честь передать вам горячий привет от имени Абхазского народного совета. Абхазский народ, входящий в союз объединенных горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению... Абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза объединенных горцев»³.

В означенный временной отрезок события как вокруг Абхазии, так и внутри нее, происходили так стремительно быстро, что ее руководителям приходилось учиться принимать оперативные решения, для того, чтобы вывести свой народ из водоворота опасных событий.

А что же абхазский крестьянин? В новых условиях он стал ощущать свою «неполноценность» и дискомфорт. Постепенно начинает меняться его форма бытия. В его «архаическое мировоззрение» извне вносятся коррективы. Но пока он этого не замечал.

Внешняя угроза в лице грузинских меньшевиков подстегивала представителей абхазской интеллигенции принимать самое деятельное участие в процессе просвещения пока еще малограмотных своих сородичей. Одним

¹ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум, 2003. С. 96–98.

² Там же. С. 99–100.

³ Лакоба С.З. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). – Сухум, 2001. С. 20–21.

из «рупоров» стала ставшая выходить в 1919 г. первая газета на абхазском языке «Апсны». В тот период она поднимала животрепещущие вопросы, насущные темы, стала этапом становления абхазской печатной журналистики, кузницей, взрастившей национальные кадры и многое другое. И что самое главное, она открывала глаза абхазскому крестьянину, информировала его о том, что происходит не только внутри Абхазии, но и вокруг нее, и в мире в целом. Словом, газета выполнила тогда свою историческую миссию, а ее редактор Дмитрий Гулиа стал символом «маяка» для своего народа.

Суть традиционной формы существования культуры сводилась в конечном счете к повторяемости исторически выработанной социальной практики. Доселе абхазская культура лишь воспроизводила свои потребности и потенциал, но не расширяла и не развивала их.

Оказавшись в культурном пространстве России, абхазской культуре пришлось приспособляться к её постоянно менявшимся условиям. Адаптируясь к ним, она стала осваивать нетрадиционный способ существования, т. е. обновлять и развивать себя.

По существу, абхазская культура вступила в трансформационный процесс. Это означало, что исторически сложившиеся и систематически повторявшиеся представления абхазской культуры о себе и внешнем мире теперь, в изменяющихся условиях, оказались недостаточными.

3 этап – 1921–1931 гг.

На третьем этапе трансформационные процессы набирали еще большие обороты. После того, как Абхазия стала Советской Республикой в 1921 г. абхазы стали на путь социалистической модели развития. Но насколько социализм по духу и содержанию был близок миропорядку как народа в целом, так и отдельно взятого абхазского крестьянина? Понимали ли он, что это такое?

Общеизвестно, что новая государственная система несет в себе новые символы, новую знаковую систему, новое мировоззрение и т.д. Вот тут и происходит первое, пока еще незримое глазу масштабное изменение в жизни абхаза. С одной стороны, в новом качестве начинает развиваться его культура. В ее рамках появляются такие новые сферы, как художественная литература, наука, театральное и изобразительное искусство, архитектура, музыка, хореография и др., которые меняют саму структурную организацию ее существования. Из традиционной формы (живая память) культура стала переходить к нетрадиционной (знаковая система). Было ли это ответом на вызовы времени? Эпоха новой эры открывала для абхаза новые, доселе ему неизвестные горизонты, но при этом и обкрадывала его, меняла его систему ценностной ориентации.

Результаты этой работы включались в процесс формирования (социализации) нового поколения, содержание обучения которого наполнялось

новой информацией, в том числе из мира русской культуры. В каком-то смысле, эта информация стала источником развития, благодаря чему абхазское общество принялось поддерживать и развивать свою социальную дееспособность на качественно новом уровне.

Существенные изменения наметились и в мировоззрении абхазского народа, в системе его ценностной ориентации, в его ментальности и менталитете. Такие изменения стали происходить, прежде всего, в соотношении материальных и духовных ценностей. То, что было продекларировано его механизмом бытия, даже запретом, на этом этапе уже нивелируется и становится нормой – вспомним хотя бы реакцию абхаза и его отношение к вечерней школе, где должны были обучаться девушки абхазки. Оно было резко негативным! Но и это стало со временем обыденным явлением в жизни абхазского общества.

Следует заметить, что через определенные символы – одежду, доспехи, украшения, коня и т.д. абхазы понимали друг друга и строили взаимоотношения между собой в условиях традиционной абхазской культуры.

В изменившихся условиях содержание социальных стереотипов, столь ревностно соблюдавшихся в традиционном абхазском обществе, меняется. Носитель абхазской культуры стал все чаще выходить за пределы своего этнокультурного информационного пространства. Он потянулся к новым знаниям, просвещению, он уже не просто повторяет опыт своих предков, как было доселе, а по-своему начинает строить свое поведение, свое будущее.

Следует заметить еще одно жизненно важное явление. Абхазы на этом этапе из этноса превратились в нацию. Это понятие предполагало нивелировку этнических особенностей. СССР стал преследовать идею создания одной – социалистической – нации. Абхазы вольно или невольно становились частью одного «большого дома» и «большой семьи».